

Константин Батюшков

Предслава и Добрыня

Константин Николаевич Батюшков

Предслава и Добрыня

«Древний Киев утопал в веселии, когда гонец принес весть о победе над печенегами. Скачет всадник за всадником, и последний возвещает приближение победоносного войска. Шумными толпами истекают киевцы чрез врата северные; радостный глас цевниц и восклицаний народных раздаётся по холмам и долинам, покрытым снегом и веселою апрельскою зеленью. Пыльное облако уже показалось в отдалении; оно приблизилось, рассеялось и обнажило стальные доспехи и распущенные стяги войска, пылающие от лучей утреннего солнца...»

**Константин Николаевич
Батюшков
Предслава и Добрыня**
Старинная повесть

Древний Киев утопал в веселии, когда го-
нец принес весть о победе над печенега-
ми. Скачет всадник за всадником, и послед-
ний возвещает приближение победоносного
войска. Шумными толпами истекают киевцы
через врата северные; радостный глас цевниц
и восклицаний народных раздается по хол-
мам и долинам, покрытым снегом и веселою
апрельскою зеленью. Пыльное облако уже по-
казалось в отдалении; оно приблизилось, рас-
сеялось и обнажило стальные доспехи и рас-
пущенные стяги войска, пылающие от лучей
утреннего солнца. Владимир, счастливый
Владимир ведет рать свою, и красные девы
сыплют пред конем его цветы и травы весен-
ние. В устройстве ратном проходит дружина,
тихо и торжественно, ряд за рядом, и шумные
толпы восторженных киевцев беспрерывно
восклицают: «Да здравствует победитель пе-
ченегов, храбрый Владимир!»

Герой, по обычаю древнему, преклонил
меч свой к земле, благосклонно поклонился
народу и сказал богатырским голосом: «Честь
и слава Добрыне! Он избавитель мой!» Бога-
тырь, сидящий на борзом коне своем, отре-

шил золотую запону забрала, снял шлем и открыл голову пред народом и Владимиром в знак почтения и благодарности. Слезы блистали в очах его; черные кудри, колеблемые дыханьем ветра, развевались по плечам, и правая рука его лежала на сердце. Восторженные киевляне снова воскликнули: «Честь и слава Добрыне и всей дружине русской!» Цветы посыпались на юношу из разных кошниц прекрасных жен и дев киевских, и эхо разнесло по благоуханной долине, где видны были развалины храма, посвященного вечно юной Зимцерле[1]: «Честь и слава дружине!»

Супруга Владимира, прекрасная царевна Анна[2], и дочь ее Предслава, выходят навстречу к великому князю. Он простирает к ним свои руки, попеременно прижимает к стальной броне, под которой билось нежное сердце, то супругу, то дочь свою, и все труды ратные забыты в сию сладкую минуту свидания! Владимир указывает им на Добрыню. «Вот избавитель мой!» – говорит он, обращаясь к супруге, к царедворцам и седовласым мудрецам греческим, притекшим с царевною из Царяграда. «Вот избавитель мой! – продол-

жает великий князь. — Когда единоборство с исполином печенегским кончилось победою, когда войска мои ринулись вослед бегущим врагам, тогда я, увлеченный победою, скакал по грудам тел и вторгся в толпу отчаянных врагов. Мечи их засверкали надо мной, стрелы пробили шелом и щит; смерть была неизбежна. Но Добрыня рассеял толпы врагов, вторгся в средину ужасной сечи: он спас меня! Чем и как заплачу ему?»

Слезы благодарности заблестали в очах прекрасной Анны; она подала супругу своему и Добрыне правую и левую руку и повела их по узорчатым коврам в высокий терем княжеский. Предслава взглянула на Добрыню, и ланиты ее запылали, подобно алой заре пред утренним солнцем; и длинные ресницы ее покрылись влагою, как у стыдливой девы, взглянувшей на жениха своего при блеске брачных светильников.

Прекрасна ты была, княжна киевская! Осененная длинною фатою, ты была подобна стыдливому месяцу, когда он сквозь тонкий туман смотрит на безмолвные долины и на синий Днепр, сверкающий в просеках дубо-

вых. Но отчего сильно бьется девическое сердце твое под парчами и златою дымкою? Отчего белая грудь твоя волнуется, как лебедь на заливах Черного моря, когда полуденный ветер расколыхает воды его? Отчего глаза твои блистают огнем, когда они невольно обращаются на прекрасного витязя? Ах, и Добрыня давно любил тебя! Давно носил образ твой в сердце, в пламенной груди своей, покрытой тщатно стальною кольчугою! Повсюду образ твой, как тайный призрак, за ним следовал: и на потешных играх, где легкие копья ломаются в честь красных жен и дев киевских, и на войне против ляхов и половцев, на страшных битвах, где стрелы свистят, как вихри, и острые мечи, ударяя по шеломам, наносят глубокие раны. Давно уже богатырь любил красавицу; но никогда не являлась она ему столь прелестною, как в сии минуты славы и радостей народных. Тщетная любовь, источник слез и горести! Все разлучает тебя с возлюбленной: и высокий сан ее, и слава Владимира, и слава предков красавицы, повелителей Царяграда! Ты знаешь сие, несчастный Добрыня, знаешь и – любишь. Но сердце твое

чуждо радостей, чело твое мрачно посреди веселий и торжеств народных. Как дерево, которого соки погибли от морозов и непогод зимних, не воскресает с весною, не распускает от вешнего дыхания молодых листков и почек, но стоит уныло посреди холмов и долин бархатных, где все нежится и пирует, так и ты, о витязь, часто мрачен и безмолвен стоишь посреди шумной гридницы[3], опершись на булатное копьё. Все постыло для тебя: и красная площадь, огражденная высоким тыном (поприще словутых подвигов), и столы дубовые, на которых блещут кубки и золотые чары с медом искрометным и заморскими винами; все постыло для тебя: турий рог недвижим в руке богатырской, и унылые взоры твои ничем не прельщаются, ниже плясками юных гречанок [4], подруг Предславиных, которые, раскинув черные кудри свои по плечам, подобным в близне снегам Скандинавии, и сплетясь рука с рукою, увеселяют слух и взоры Владимира разнообразными хороводами и нежным, протяжным пением. Они прекрасны, подруги Предславины... Но что звезды вечерние пред красным месяцем, когда он выходит из-за ро-

щей в величии и в полной славе?

Долго ли таиться любви, когда она взаимна, когда все питает ее, даже самая робость любовников? Тогда сердца подобны двум ручьям, которые невольно, как будто влекомые тайною силою, по покатам долин и отлогих холмов ищут друг друга, сливаются воедино, и дружные воды их составляют единую реку, тихую и прозрачную, которая по долгом и счастливом течении исчезает в морях неизмеримых. Счастливы они, если не найдут преграды в своем течении!

Так красавица и рыцарь невольно, неумышленно прочитали во взорах, в молчании и в словах отрывистых, им одним понятных, взаимную страсть. Они не видели под цветами ужасной пропасти, навеки их разлучающей, ибо она засыпана была руками двух сильных волшебниц, руками *любви и надежды!* Предслава не помышляла об опасности. Добрыня тогда только ужасался своей страсти, тогда только сердце его заливалось кровью, когда прекрасная Анна, мать его возлюбленной, обращала к нему приветливую речь или когда Владимир выхвалял послам чуж-

дых народов силу и храбрость своего избавителя. Юноша страшился неблагодарности.

Терем молодой княжны был отделен от высоких теремов Владимира. Длинные деревянные переходы, украшенные резьбой, соединяли сии здания. Вековые дубы, насажденные руками отважного Кия[5], как говорит предание, осеняли уединенную обитель красавицы. Часто весенние вечера она просиживала на высоком крыльце, опершись рукою на дубовые перилы; часто взоры ее стремились в синюю даль, где высокие холмы, величественно возвышаясь один над другим, не приметно сливались с небесной лазурью; часто, отдалив усердных прислужниц, одна среди безмолвия ночного, она предавалась сладким мечтаниям девического сердца, мечтаниям, которые невольно украшались образом Добрыни. Когда месяц осребрял высокие верхи дубов и кленов и тихое дыхание полночи колебало листья, перебирая их один после другого, тогда Предславу обнимал ужас. Ей мечталось видеть Добрыню. Она вперяла прилежно слух и взоры; но все было тихо, безмолвно, мечта исчезала, а с ней и тайный, сладостный

страх. Так младая княжна питала тоску и любовь свою, когда Добрыня воевал печенегов с великим князем Владимиром. Она переносилась мысленно на поля, обогранные кровью: опасности, окружающие отца ее, ужасали сердце красавицы; но при мысли, что Добрыня падет под мечом или булавою варвара, сердце ее обливалось кровью, тяжело поднималась высокая грудь, и слезы падали обильною росой на златошвейные ткани.

Теперь сии деревянные переходы, осененные тению столетних дубов, сия тайная обитель невинности, учинились свидетельницею ее радости. Страстный витязь позабыл и страх, и благодарность: все забыто, когда сердце любит.

Витязь, в часы туманной полуночи, приходил к княжне в там, у ног ее, поверял ей сердечную тоску и мучения, клялся в верности и утопал в счастии. Но любовники были скромны. Тих и ясен ручей при истоке, но скоро, возрастая собственными водами, становится быстр, порывист, мутен. Такова любовь при рождении, таковы и наши любовники.

Между тем все народы покорялись велико-

му князю. И воинственные жители Дуная, и дикие хорваты, сыны густых лесов и пустыней, и печенеги, пьющие вино из черепов убиенных врагов на сражении, – все платили дань христианскому владыке. Народы стран северных, жители туманных берегов Варяжского моря, обитатели неизмеримой и бесплодной Биармии[6] боялись и почитали Владимира. Многие владельцы желали вступить в брак с Предслагою, желали, но тщетно, ибо они были все служители идолов или поклонники Магомета.

Часто на холмах, окружающих Киев, неизвестный витязь становил златоглавый шатер и вызывал на единоборство богатырей киевских. Ристалище открывалось, и пришлец, почти всегда побежденный, со стыдом удалялся в свое отечество. Витязи иноплеменные ежедневно увеличивали двор Владимиров. Между ними блистали красой и храбростью Горислав Ляхский, юноша прекрасный, как солнце весеннего утра, храбрый Стефан Угорский[7] и сильный Андроник Чехский, покрытый косматой кожей медведя, которого он задавил собственными руками в бесплодных пусты-

нях, орошенных Вислою. Все они требовали руки Предславиной, все состязались с богатырями киевскими и угощаемы были под богатыми наметами гостеприимным Владимиром. «Не наживу друзей серебром и золотом, – говорил он, – нет, а друзьями наживу, по примеру деда и отца моего, сокровища и славу!»

Но ужасная туча собиралась над главами наших любовников. Радмир, сын князей болгарских, владыка христианского поколения, спешит заключить союз с народом русским и тайно требует руки Предславиной. Владимир принимает богатые дары его и дает ласковый ответ посланнику болгарскому: Радмир вскоре является на берегах днепровских. Десять ставок, одна другой богаче, блистают при восходе солнечном, и сии ставки принадлежат Радмиру, который, окруженный блистательной толпою витязей дунайских, вступает в терема княжеские. Вид его был величествен, но суров; взоры пронизательны, но мрачны; стройный стан его был препоясан искривленным мечом; руки обнажены; грудь покрыта легкою кольчугой, а вниз рамен висела кожа ужасного леопарда. Предслава уви-

дела незнакомца, и сердце ее затрепетало от тайного предчувствия. Невольный румянец, заменяемый смертною бледностию, обнажал страсти, волнующие грудь красавицы. Взоры ее искали Добрыни, который безгласен, бледен стоял в толпе царедворцев; но надменный Радмир толковал в свою пользу явное смущение красавицы и, ободренный своим заблуждением: «Повелитель земли русской, – сказал он, – тебе известны храбрые поколения болгаров, населяющих обильные берега Дуная. Меч храбрых славян не один раз притуплялся о сие железо (указывая на свой меч); не один раз лилась кровь обоих народов, народов равно славных и воинственных, от которых трепетал и Запад, и поколения северные – ибо где неизвестна храбрость болгар и славян! Храбрые россы унизили надменные стены Царяграда; ты рассеял в прах стены корсунские. Мечом предков моих избиты бесчисленные полчища греков, ими выжжен град, носивший имя древнего Ореста. Мудрые предки мои приняли веру истинного бога[8], и ты, Владимир, отверг служение идолов, и ты капища претворил во храмы. Я желаю тво-

его союза, о повелитель земли русской! Соединенные народы наши воедино удивят подвигами вселенную, расширят за Урал пределы твоего владычества... У твоего знамени будут сражаться мои воины. Меч мой будет твоим мечом... Но да введу в дом престарелого отца моего твою дочь, да назову Предславу супругою!.. Владимир! я ожидаю благосклонного ответа».

Царедворцы и младые витязи русские с негодованием взирали на гордого Радмира: они с нетерпением ожидали решительного отказа. Но те из них, которые поседели не на поле ратном, а в служении *грудницы*, лучше знали сердце своего владыки: они прочитали во взорах его совершенное согласие, и хитрая их улыбка одобрила речь надменного Радмира. Решительность в битвах, пылкая храбрость и дух величия болгарского владыки, дух, алкающий славы и подвигов, давно были известны Владимиру; гордые слова, гордый и величавый вид его напоминали ему о годах его юности, и, наконец, союз двух народов, доселе неприязненных, но равно храбрых и сильных, союз двух народов, скрепленный

браком Предславы, долженствовал возвеличить княжество русское, – и мудрый Владимир подал руку свою в знак согласия. Красавица безмолвна, бледна, как жертва, обреченная року, склоняясь на руку прекрасной Анны, робкими, медленными шагами приблизилась к своему отцу, который подал ей чашу *пиршества*, исполненную сладкого меда. Совершается древний обряд праотцев: жених принимает чашу из рук стыдливой невесты и выпивает до дна сладостный напиток.

Десять дней сряду солнце киевское освещает радушные пиры в теремах княжеских. Десять дней сряду все торжествует и радуется. Но красавица проливает слезы на лоно матери: единственное утешение в горести! Часто ужасная тайна готова вылететь из груди ее и всегда замирает на робких устах. Анна приписывает к нежности сердечной тоску дочери своей, и слезы ее текут с слезами красавицы. Но гордый Радмир, познавший в первый раз любовь, близок проникнуть ужасную тайну. С негодованием взирает на слезы и силится подавить в глубине сердца своего ужасную страсть – ревность, спутницу пламенной люб-

ви.

Между тем настает великий день, посвященный играм богатырским. При восходе лунного солнца голос травной трубы раздастся в заповедных лугах, и на возвышенном месте, устланном коврами вавилонскими (похищенными при взятии Корсуня), возвышается высокий намет княжеский. Там восседает Владимир с супругою и прекрасною Предславой. Там, под другими шатрами, заседают старцы и жены киевские. Из них старейшины называются *судьями тризны*, ибо награда храброго искони принадлежала мудрости и красоте. Народ стекается за ставками, и бесчисленные толпы его покрывают ближние возвышения. Посреди ратного места пешие и конные витязи ожидали знака для начала игр. Грозный Роальд, витязь новгородский, возвышался меж ними, как древний дуб посреди низкого кустарника. Юный Переяславль, богатырь низкого рода, но низвергнувший разъяренного вола, Переяславль, победивший исполина печенегов, гордился чудесною силою. Он был пещ; кожа безобразного зверя, им растерзанного, развевалась на ши-

роких его раменах. Тяжелая секира, которую и три воина нашего века едва ли поднять могут, лежала на правом плече богатыря. Он ожидал борца и громким голосом вызывал на поединок всех витязей; вызывал – тщетно! Всякий страшится неестественной его силы. Гордый Свенальд, древле пришедший с отлогих берегов озера Нево, Свенальд, воевода Владимиров[9], являлся в толпе витязей в броне вороненой, в железном шеломе, на котором ветер развевал широкие крылья орлиные. Израненная грудь его, на которой струилась седая брада, черный шелом, исполинское копье и щит величины необычайной напоминали киевцам о товарище отважного Святослава. Но меж вами, о витязи, находилась славная воительница, притекшая с берегов баснословного Термодона[10]. Высокая грудь ее, где розы сочетались со свежими лилиями, грудь ее, подобная двум холмам чистейшего снега, покрыта была легкою тканью. Черные волосы красавицы, едва удержанные златою повязкой, развевались волною по плечам, за которыми звенел резной тул[11], исполненный стрел. Нетерпеливый конь ее,

легкий как ветер, был покрыт кожей ужасно-го леопарда, ноги его вздымали облако праха; золотые бразды его, омоченные пеною, громко звенели, и он, казалось, гордился своею всадницею. Меч, кованный в Дамаске, блистал в правой руке ее, а левая покрыта была щитом серебра литого. Все в ней обличало деву – и гибкий стан, подобный пальме или стеблю лилейному, и маленькая нога, обутая в багряный полусапог; но рука ее – страх врагам и дерзким витязям! Киевцы, пораженные новым для них зрелищем, громко выхваляли красавицу, и сердце, гордое сердце девицы, сильно билось от радости.

Но Добрыня явился, и все взоры на него обратились, и ланиты Предславы запылали розами. Витязь вошел в толпу, одетый тонким панцирем, на котором блистала голубая повязка, тайный подарок его любезной. Белые перья развевались на его шеломе. Меч-кладенец висел на широком поясе у левой бедра. По поданному знаку из шатра княжеского юные гридни подвели ему коня, на котором Владимир воевал в молодости. Давно уже никто не седлал его, давно уже на свободе топ-

тал он траву в заповедных лугах киевских. Предание говорит, что конь сей был некогда посвящен Световиду и имел дар пророчества [12]. В знак дружбы своей Владимир его отдает витязю. Добрыня смело вложил ногу в золотое стремя; конь почувствовал седока, преклонил смиренно дикую свою голову и радостным ржанием огласил луга и долины.

Знак был подан старейшинами, и взоры устремились на высокую мету, поставленную на конце поприща. К ней был привязан быстрокрылый сокол.

Стрелки отделились, и в числе их прекрасная воительница. Златый лук зазвенел в ее руках, и стрела помчалась по воздуху; но тщетное острие ударилось в дерево, зашаталось, и уstraшенная птица затрепетала крыльями. Юный Горислав вынул каленую стрелу, и пернатая, пущенная из сильных рук его, рассекла воздух пламенной стезею. Так пролетает молния или звезда воздушная по синему небу! Стрела перерезала нити, которыми был привязан сокол, и птица, свободная от уз, быстро полетела над главами зрителей. Добрыня натягивает лук свой, пускает меткую

стрелу... И сокол лежит у ног Предславы, и народ восклицает: «Честь и слава Добрыне!» А сердце красавицы утопало в веселии.

Изводят на поприще дикого вола, воспитанного на пажитях черкасских: ужасная глава его; вооруженная крутыми рогами, поникла к земле; взоры дикие и мутные обращены были на толпу, которая раздалась в ту и другую сторону. Андроник, дерзкий витязь, желая разъярить чудовище, вонзил в ребра его легкое копьё; острие впилося, древко зашаталось, и черная кровь хлынула рекою. Разъяренный вол бросается на толпу; тяжелые ноги его вздымают к небесам облако праха и пыли; пышет черный дым, искры сыплются из глубоких его ноздрей, и страшный рев, подобный грому, оглушает уstraшенных зрителей. Между тем отрок Переяславль исторгается из толпы и сильными мышцами ухватывает за рога дикого зверя. Начинается ужасная борьба. Трижды разъяренный вол опрокидывал богатыря и давил его своею громадою; трижды богатырь опрокидывал зверя, и ноги его, подобные столбам тяжелого здания, глубоко входили в песок. Наконец храбрый юно-

ша, уже близкий к гибели, вскакивает на хребет его, обхватывает жилистыми руками... и чудовище, изрыгая ручьи кровавой пены, падает бездыханно. Богатырь, покрытый пылью и потом, одним махом секиры своей отрубает ужасную голову чудовища, приподымает ее за крутые рога и бросает к ставке княжеской. Прекрасные княжны ужаснулись, а киевцы, удивленные сим новым и чудесным зрелищем, провозглашают богатыря победителем.

Радмир, сохраняя глубокое молчание, стоял близ ставки княжеской. Он желает сорвать пальму победы, требует позволения войти в толпу храбрых и в тайне сердца своего полагает совершить победу над Добрынею.

Начинаются игры не менее опасные, но в которых сила и храбрость должны уступить искусству; всадники разделяются на две стороны; каждый из них выбирает соперника; Радмир назначил Добрыню, и витязь благословляет сей выбор! В руках его и жизнь и слава соперника; в руках Предславы награда победителю – золотой кубок, чудо искусства греческих художников.

Разъезжаются по широкой равнине: легкие кони летят, как вихри, один навстречу другому, копья ударились в щиты. Добрыня удвоит удары, и Радмир, простертый на земле, глотает пыль и прах! Русский витязь покидает коня своего, меч сверкает в руке болгара, удары сыплются на доспехи любовника Предславы, звонкие иверни[13] летят с кольчуги, — мщение и гнев владеют рукою витязей, равно храбрых и искусных... Но Владимир подает знак — и витязи остановились. Ибо внезапно воздух помрачился тучами. Зашумели вихри, и гром трижды ударил над главами зрителей. Сердца малодушных жен и старцев, которые втайне поклонялись мстительному Чернобогу, исполнились ужасом. Празднество кончилось; мечи и копья витязей опустились долу; но дождь и снег беспрестанно шумели и наполняли внезапными ручьями путь и окрестную равнину. Порывистый вихрь сорвал воткнутые древки и разметал далеко наметы княжеские. Народ укрывался под развалинами древних капищ и толпами бежал к городу. Анна прижала к груди своей Предславу и робкою, но поспешною стопою, ведомая Влади-

миром и окруженная верными гриднями, удалялась в терем свой. Гласы бегущего народа, топот скачущих по полям всадников, свист разъяренных вихрей, дождь, падающий реками, — все сие устрашало прекрасную княжну. Омоченные власы рассыпались по высокому челу ее, вихрь сорвал легкие покровы с главы, дыхание ее прерывалось от скорого бега, и она, изнемогая, почти бездыханна, упала на пути, в дальнем расстоянии от Киева. Анна и Владимир спешили к ней на помощь, и Радмир предложил ей коня своего. Сердце Добрыни, в свою очередь, запыхало ревностью: он желал бы сам проводить княжну, желал бы... Тщетное желание! Ненавистный болгар, жених ее, он один имеет сие право. Между тем служитель Радмиров подводил коня за звучащие бразды; Предслава приблизилась к нему... Она увидела беспокойство Добрыни, прочитала в глазах витязя глубокую печаль его, и горестный вздох вылетел из груди прекрасной девицы. Жених ей подал свою руку... О счастье! Нетерпеливый конь, уstraшенный шумною толпою, вырвался из рук клеветы и стрелою исчез во мраке. Бол-

гарский князь, снедаемый гневом, бросился вслед за ним: тщетны были его старания, и ревность на крылах ветра заставила его возвратиться к Предславе. Но Добрыня, по приказанию Владимира, сидел уже на коне с княжною; уже борзый конь вихрем уносил счастливую чету, и великое пространство поля отделяло любовников от ревнивца. Сладкие минуты для Добрыни! Красавица обнимала его лилейными руками, сердце ее билось, билось так близко его сердце; нежная грудь ее прикасалась к стальной кольчуге, дыхание ее смешивалось с его дыханием (ибо витязь беспрестанно обращал к ней голову свою), и лицо ее, омоченное хладными ручьями дождя и снега, разгорелось, как сильное пламя... Конь мчался вихрем... И витязь в первый раз в жизни сорвал продолжительный, сладостный поцелуй с полуотверстых уст милой всадницы. Гибельный поцелуй! Он разлился, как огонь, глубоко проник в сердце и затмил светлые очи красавицы облаком любви и сладострастия. Она невольно преклонила голову свою на плечо витязя, подобно нежному маку, отягченному излишними каплями май-

ской росы. Благовонные власы ее, развеваемые дыханием ветров, касались ланит счастливого любовника; он осыпал их сладкими поцелуями, осушал их своим дыханием, и упоение обоих едва ли кончилось, когда быстрый конь примчался к терему Владимира, когда он трижды ударил нетерпеливым копытом о землю, и прислужницы княжеские вышли им навстречу с пылающими светильниками.

Владимир возвратился в высокие терема и там нашел печальную и бледную Предславу. Ах, если бы мать ее, которой ласковые руки осушали омоченные волосы дочери, если бы мать знала, какая буря свирепствовала в ее сердце, отчего лилии покрыли бледностию чело и ланиты, отчего высокая грудь красавицы столь томно волнуется под покровами!..

Но вскоре княжна, окруженная подругами, скрылась в терем свой, ибо глубокая ночь уже давно покрывала землю. Добрыня, увлеченный любовью, забыв и долг, и собственную безопасность, Добрыня, пользуясь ночным мраком, поспешил к терему красавицы. Все начинало вкушать сон в чертогах княжеских,

но буря не умолкала. Ужасно скрипели древние дубы, осеняющие мирную обитель красоты, и град шумел беспрестанно, падая на деревянный кров терема. Тусклый свет ночной лампы едва мерцал сквозь густые ветви, и богатырь, стоящий на сырой земле, сохранял глубокое молчание. Он желал отличить образ Предславы, мелькающий в окнах терема, приблизился и увидел ее. Там, в тайном уединении, освещенная лучом лампы, являлась она посреди своих прислужниц, подобно деве, посвященной служению *Знича*[14], подобно жрице, когда она в глубокую ночь, уклонившись в Муромские убежища, медленно приближается к жертвеннику, на котором пылает неугасимое пламя, медленно снимает пред тайным божеством девственные покровы и совершает неисповедимые обряды.

Как билось сердце твое, храбрый юноша, когда красавица, отдалив подруг, отрешила узлы таинственных покровов! Как билось сердце твое, несчастный и вместе счастливейший из смертных, когда рука ее обнажила белую грудь, подобную двум глыбам чистейшего снега, когда волосы ее небрежно рассы-

пались по высокому челу и по алебастровым плечам! Нет, не в силах язык человеческий изобразить страстей, пылающих в груди нашего рыцаря! Но вы, пламенные любовники, перенеситесь мыслями в те времена страстей и блаженства, когда случай или любовь, властительница мира (ибо и случай покорствует), когда любовь открывала пред вами свои таинства; вы, счастливцы, можете чувствовать блаженство Добрыни!

Робкий голос его назвал имя Предславы, и ветер трижды заглушал его. Наконец красавица услышала: встревоженна, приблизилась к окну и при бледном луче светильника узнала его. Долго смотрела она, как ветер развеивал черные его, кудри, как снег сыпался медленно на открытую голову возлюбленного; долго в недоумении глядела она... и, наконец, сожаление (предание говорит: любовь), владея робкою рукой, тихонько отодвинуло железные притворы терема – и витязь упал к ее ногам! «Что ты делаешь? – сказала прекрасная. – Что ты делаешь, несчастный? Беги от меня, сокройся, пока мстительный бог... Ах, я навеки твоей не буду! Небо разлучает нас». –

«Люди разлучают нас, – прервал ее Добрыня, – люди разлучают два сердца, созданные одно для другого, в один час, под одной звездой, созданные, чтобы утопать в блаженстве или глубоко, глубоко лежать в сырой земле, но лежать вместе, неразлучно!» – «Удались, заклинаю тебя...» – «Ах, Предслава, ты моя навсегда... Жених твой, сей болгар, должен упасть от меча храброго!» – «Ах, что ты хочешь предпринять? А судьба матери моей, а гнев, неукротимый гнев великого князя?» – «Так, Предслава, я вижу, ты меня не любишь. Брак с повелителем обильных стран дунайских льстит твоему честолюбию. Вероломная женщина, ты не любишь Добрыни, ты забыла священнейший долг, клятвы любви... Но смерть мне остается в награду за верность!..»

Сияющий меч висел при бедре героя, правая рука его: лежала на золотой рукояти; но Предслава, слабая и вместе великодушная, Предслава бросилась в его объятия; горячие слезы текли из глаз ее, слезы любви, растворенные сердечною тоскою. Любовники долго безмолвствовали. Сама любовь! запечатлевала стыдливые уста красавицы; вскоре слезы сла-

досто­ра­стия за­бли­ста­ли, как пер­лы, на длин­ных ее рес­ни­цах, розы запы­ла­ли на ще­ках, грудь, изне­мо­гая под бре­менен любви, ед­ва-ед­ва вол­но­ва­лась, и прерыви­стый, том­ный вздох, по­доб­но шеп­та­нию май­ско­го ве­тер­ка, за­сы­па­ю­ще­го на цве­тах, вы­ле­тел из гру­ди ее, вы­ле­тел... и замер на пла­мен­ных устах лю­бов­ни­ка.

Бы­стро мчи­тся вре­мя на кры­лах сча­стия; любовь осы­пает розами сво­их лю­би­м­цев, но вре­мя при­кос­но­ве­нием хлад­ных кры­л сво­их вс­ко­ре и са­мые розы слад­о­стра­стия пре­вра­ща­ет в тер­ны ко­лю­чие! Все без­молв­ство­ва­ло в оби­тели кра­са­ви­цы. Све­тиль­ник, до­го­рая, изред­ка бро­сал пла­мень свой... и она прос­ну­лась от очаро­ва­ния сре­ди мра­ка бур­ной но­чи. На­прасно ви­тя­зь при­жи­мал печаль­ную к гру­ди сво­ей, на­прасно пла­мен­ные уста его за­пе­чат­ле­ва­ли тихое, не­воль­ное ро­п­та­ние: рука ее тре­пе­та­ла в руке лю­бов­ни­ка, слезы ли­лись обиль­ны­ми ручь­ями, и хлад­ный ужас за­сту­дил по­след­ний пла­мень в кро­ви печаль­ной лю­бов­ни­цы.

На­ко­нец, го­рест­ный по­це­луй про­ща­ния со­еди­нил на ми­ну­ту ду­ши су­пру­гов. Кра­са­ви­ца

вырвалась из объятий витязя. Добрыня на-
двинул сияющий шолом свой, открыл двери
терема, ведущие на длинные переходы... О
ужас!., он увидел, при сомнительном блеске
месяца, который едва мелькал сквозь облака,
увидел ужасный призрак... вооруженного ры-
царя! – и сердце его, незнакомое со страхом,
затрепетало – не за себя, за красавицу. Пред-
слава упала бездыханная на праг светлицы.
Но меч уже сверкал в руке незнакомца,
страшный голос его раздавался во мраке: «Ве-
роломные, мщение и смерть!» Добрыня, ли-
шенный щита и брони, вооруженный одним
шлемом и острым мечом своим, тщетно отби-
вал удары; тайный враг нанес ему тяжелую
рану, и кровь ударилась ручьями. Богатырь,
пылая мщением, поднял меч свой обеими ру-
ками; незнакомец уклонился – удар упал на
перилы; щепы и искры посыпались, столпы
здания зашатались в основаниях, и сердце
незнакомца исполнилось ужасом. Красавица,
пробужденная от омрака, бросилась в объ-
ятия Добрыни; тщетно дрожащая рука ее удер-
живала его руку, тщетно слезы и рыдания
умоляли соперника: ревность и мщение ки-

пели в лютом его сердце. Он бросился на Добрыню, и витязь, прижав к окровавленной груди своей плачущую супругу, долго защищал ее мечом своим. От частых ударов его разбился шолом соперника, иверни падали с кольчуги, гибель его была неизбежна... Но правая нога изменяет несчастному Добрыне, он скользит по помосту, омоченному ручьями дождя и крови, несчастный падает, защищая красавицу, и хладный меч соперника трижды по самую рукоять впивается в его сердце.

Светильники, принесенные устрашенными девами, стекающимися из терема, осветили плачевное зрелище... Радмир (ибо это он был, сей незнакомец, завлеченный ревностью к терему Предславы), Радмир довершал свое мщение. Добрыня, плавая в крови своей, устремил последний, умирающий взор свой на красавицу; улыбка, печальная улыбка, потухла в очах его, и имя Предславы вместе с жизнью замерло на устах несчастного.

Нет ни жалоб, ни упрека в устах красавицы. Нет слез в очах ее. Хладна, как камень, безответна, как могила, она бросила печальный, умоляющий взор на притекшего Влади-

мира, на отчаянную мать и, прижав к нагой груди своей сердце супруга, пала бездыханна на оледенелый его труп... как лилия, сорванная дыханием непогод, как жертва, обреченная любви и неизбежному року.

Насилу досказал! —

К. Батюшков

Примечания

1

Зимцерла – богиня зари и весны в древней славянской мифологии.

[^^^]

2

Царевна Анна – сестра греческих императоров Василия II и Константина VII, ставшая женою новгородского и киевского князя Владимира I (? – 1015).

[^^^]

3

Гридница – помещение для воинов-телохранителей древнерусских князей.

[^^^]

4

Известно по истории, что в княжение Владимира I находилось множество греков при его дворе. Скажем мимоходом, что мы не позволяли себе больших отступлений от истории, но просим читателя не забыть, что повесть не летопись. Здесь вымысел позволен. Относительно к басням: Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable – принимается в другом значении. (Пер.: Только истинное прекрасно, любезна лишь истина. – *франц.*)

[^^^]

5

...отважного Кия... – согласно летописному преданию, Кий вместе с Щеком и Хоривом основал Киев и был первым его правителем.

[^^^]

6

Биармия – сказочная страна, воспетая в скандинавских сагах; древняя область на берегу Белого моря.

[^^^]

Стефан Угорский... – упоминание знатного венгерского рыцаря при дворе Владимира имеет историческое основание: один из венгерских королевичей был женат на дочери киевского князя Предславе.

[^^^]

Болгары были магометанского исповедания (В упомянутые времена болгары были по преимуществу христианами, однако в «Повести временных лет» за 858 год упоминается о крещении болгар (Повесть временных лет. М.-Л., 1950, с. 214), что, видимо, и дало основание для сказанного в повести.), но не все, ибо император Михаил, победив их, принудил принять христианскую веру (смотри Нестора). Они же разорили Арианополь, носивший в древности имя основателя своего Ореста (и об этом упоминает Нестор).

[^^^]

...Свенальд, воевода Владимиров... – возможно, анахронизм: древней русской истории был известен Свенальд (Свентеад), воевода князя Игоря.

[^^^]

Конечно – Царь-девица. *Баснословный Термодон* (или Фермодонт) – согласно греческим мифам – река, при впадении которой в Черное море находилась столица государства амазонок – Фемискара.

[^^^]

Тул – колчан.

[^^^]

Конь бога Световида имел дар пророчества. Смотри *Мифологию славян* г. Кайсарова. *Мифология славян г. Кайсарова*. – Книга А. С. Кайсарова (1782–1813) была издана впервые в 1804 г. на немецком языке («Versuch einer slavischen Mythologies», Hettingen, 1804), а затем в 1807 и 1810 г. в Москве под названием «Славянская и российская мифология».

[^^^]

Иверни – осколки.

[^^^]

Знич – бог огня в древнеславянской мифологии.

[^^^]